

СЛЕЗЫ МОРЯ

ОЛЬГА ШЕРСТОВИТОВА

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Ш50

Шерстобитова, О.

Ш50 Слезы Моря / О. Шерстобитова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 452 с.

ISBN 978-5-517-11249-1

Мечтаете защищать мир от зла и наслышаны о королевской военно-морской академии?

Теперь у вас есть шанс исполнить мечту — оказаться в ее стенах, вдохнуть запах моря, столкнуться с чудовищами и раскрыть тайну камней, исполняющих любые желания. И понять, что опаснее всего поцелуй мужчины, подаренный на краю гибели.

Именно он может пробудить любовь такой силы, что способна на невозможное: изменить правила чужой игры, спасти твою жизнь, разрушить древние злые чары и сделать тебя невероятно счастливой.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11249-1

© Шерстобитова О., 2024
© Семенова Ю., оформление, 2024
© Велейская А., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

Тринлейн

— Перестаньте рыдать! Неужели за эти годы мы вас даже не научили тому, чтобы достойно встретить свою смерть? Это ваша судьба! Смиритесь!

Магистр Тара, обычно немногословная и до чрезвычайности строгая с курсантами на занятиях по физической подготовке, расхаживала взад-вперед по нашей небольшой комнатке. Мы делили ее с Шарлоттой с того самого дня, как были зачислены в Военно-морскую академию, прозванную в народе «волчком».

Комната была уютная и светлая, с двумя окнами, выходящими не на полигон, как у большинства слушателей академии, а на морской берег. Любуясь водной стихией сколько хочешь! Было бы только на это время!

Преподавательница и по совместительству куратор нашего курса остановилась возле кровати, на которой лежала и жалобно плакала моя подруга, вздохнула. Затем оправила синее платье с черным кружевом, взяла серый плащ, небрежно брошенный на стул, покачала головой. Видеть ее в таком наряде было непривычно. У профессоров и магистров академии строгая форма: темно-синий костюм, состоящий из приталенных брюк и короткого камзола. Под камзол надевалась белая или черная рубашка. Но сегодня был особенный день... Праздник для всех, кого миновала печальная участь стать жертвой в храме Морского бога.

Магистр Тара не спеша надела плащ, поправила золотистые локоны, выбившиеся из прически, и, не прощаясь, пошла

к двери. Я понимала, что она ничем не может помочь Шарлотте, но ведь надежда всегда умирает последней.

У выхода преподавательница остановилась, развернувшись к нам:

— Мне жаль, Шарлотта. Но, оказавшись в нашем городе и поступив в Военно-морскую академию, вы знали о том, что существуют Слезы Моря, и понимали, на что шли. Никто не скрывал правды, каждый выбирал сам. Я не произносила за вас ту клятву.

Она вышла, тихо прикрыв дверь. И какая польза от ее слов?

Я поднялась с подоконника, на котором сидела, кусая губы, и, стараясь не расплакаться от отчаяния, подошла к подруге.

— Почему я, Трин? Почему? — прокричала она, садясь и вытирая слезы рукавом мятой рубашки.

— Я не знаю, Лотта. Никто не знает, почему Морской бог кому-то присылает свою метку, — тихо ответила я.

— Неужели горстка Слез Моря стоит моей смерти? И всех других смертей?

Я обняла подругу, в который раз заставляя себя не плакать. Шарлотте от моих слез лучше не станет. Но я как никто другой понимала ее отчаяние. И в чем-то она была права. Жизнь человека мне тоже казалась бесценной, и ее не стоило равнять с горстью волшебных камней, способных исполнить одно желание. Практически любое, если это не касалось убийства. Исцелить умирающего. Найти пропавшего. Выжить в самом тяжелом бою.

Учитывая, что война у нас шла с кем-нибудь из соседних королевств постоянно, Слезы Моря — полупрозрачные голубовато-белые камни, появлявшиеся в храме Морского бога раз в год в огромной каменной чаше, — были нужны всем. Часть народа проклинала нынешнего короля Эфраила Ардонского, посмеявшего заключить сделку с самим Морским богом, чтобы спасти своих подданных, часть — боготворила за помощь. Еще бы! Слез Моря в храме оказывалось порой больше двух тысяч, а умирал раз в год всего один человек. Ни-

чтожная плата за возможность исполнения желания. Но не для того, кому суждено умереть...

Два года назад я тоже взяла злополучный камень и, разрезав ладонь над жертвенной чашей в храме, поклялась: если меня выберет Морской бог, то отправлюсь на Заброшенный остров к полуразрушенному храму, чтобы пройти обряд. Никто так и не выяснил, в чем он состоит, но все точно знали, что сила уходящей жизни наполняет горсти камней, которые исполняют заветные желания. Слезы Моря появлялись в храме с первым лучом солнца, а умершего выносили на берег волны.

В тот год на Заброшенный остров отправился воин, в прошлом — один из преподавателей «волчка», сейчас же... Шарлотта, всхлипывающая на моем плече. Смириться с этим, сколько я ни старалась, не получалось. Самое обидное, что я взяла камень, надеясь навсегда скрыть ауру и оказаться недоступной для тех, кто меня ищет... А подруга однажды возвращалась осенней ночью с патрулирования улиц и услышала детский крик.

Никого не удивляло, что в Кардосе время от времени появляется нежить. От нее ничто не спасало. Остановить, заставить на время отступить — это да, но совсем уничтожить? Невозможно. Жители давно к этому привыкли, после заката не покидали дома. Но разве детей остановят страшные сказки? Раненая Шарлотта дотащила двух зареванных мальчуганов до храма в центре города, но когда нежить пугали запертые двери? Подруга, которой оставалось только умереть вместе с чужими детьми, взяла из чаши тот проклятый камень и попросила защиты.

Я прикусила губу, обняла Шарлотту покрепче, чувствуя, что вот-вот завою, как подстреленный зверь. От бессилия.

— Будешь прощаться с Гансом? — осторожно спросила я, решив напомнить подруге о женихе.

— Мы с ним виделись, Трин, — всхлипнула она.

— И?..

Надежда, что кто-то добровольно пойдет вместо подруги на заклятие, вспыхнула внутри яркой звездой и тут же погасла, едва Шарлотта покачала головой.

— Говорит практически то же самое, что и магистр Тара. Едва ли не слово в слово!

Я вздохнула. И это люди называют любовью? Серьезно? Тогда я точно такого не хочу. Мне нужен человек, который не бросит в беде. А где сейчас этот Ганс?

Силы моря! Почему именно добрая и веселая Лотта должна умереть? Я сжала пальцы и прикрыла глаза. Магистр Тара сегодня говорила с семьей Ива и Лейты, чьих детей спасла Шарлотта. Сдается, преподавательница до последнего верила, что кто-то из них согласится отправиться на Зброшенный остров. Они в долгу перед Лоттой, но... Никто не торопится увидеться со смертью. Чужая боль — не своя. Подруга, честно выполнившая свой долг, в тяжелый момент осталась одна.

— Не хочешь поговорить о своих родителях? Или встретиться с ними? У ректора в кабинете есть портал. Ты можешь...

— Нет, Трин, — грустно отозвалась подруга.

Она никогда не рассказывала, как оказалась на том маленьком корабле, идущем в Кардос.

— Я рада, что тогда не позволила выкинуть тебя за борт, Трин, — вдруг сказала Шарлотта, улыбаясь светло и привычно.

Я снова ее обняла. Когда мы встретились, у меня не было денег даже на кусок хлеба, не говоря уж о том, чтобы заплатить за проезд. Я тайком пробралась в один из дальних трюмов, спряталась и молилась всем богам этого мира, чтобы меня не нашли.

Увы, спустя два дня пути я не выдержала и ночью покинула временное жилище, чтобы подышать воздухом и найти хоть какую-то еду. Меня поймали, притащили в каюту капитана, а там... обнаженная Лотта, едва прикрытая белыми волосами и жемчужными ожерельями.

— Я еще одну поймал! — сообщил боцман. — Пряталась в трюме за мешками с сухоцветами.

Капитан корабля, на котором мы оказались, долго переводил взгляд с меня на Шарлотту, явно что-то прикидывая, а потом расхохотался. Подруга, не будь глупой, предложила уладить дело миром. Она отдала капитану связку жемчуга и спросила, где наша каюта.

Я никогда не интересовалась, как Лотта в таком виде оказалась на корабле, не спрашивала, откуда взялся жемчуг, где находится ее семья. Сначала просто было не до этого: жива и ладно, а потом разговора избегала уже сама Лотта. Я же... умела уважать чужие тайны.

Да и тогда не поверила, что все обошлось. До дрожи в коленях я боялась, что по прибытии меня переправят в тюрьму, а потом... Потом было бы страшнее. Возвращаться туда, откуда сбежала, нельзя. Лучше умереть от голода в придорожной канаве, быть выброшенной за борт, чем вернуться. Я окончательно успокоилась только спустя полгода, когда уже училась в «волчке». И не важно, что это мне далось ой как непросто.

Шарлотта была рядом. Всегда. Она помогала разбираться в непонятных терминах, притащив откуда-то толстый словарь, заставляла много читать и практически сделала мой почерк идеальным, убеждая, что этому способствует переписывание одного и того же текста по многу раз. Я не спорила, училась как проклятая, чтобы стать хоть кем-то в этом мире. Так, незаметно для себя, мы и подружились. Никого роднее Шарлотты я не знала на всем белом свете.

Страшно представить, что ее не станет. Завтра. Уже завтра.

В тишине, обнимаясь и всхлипывая, мы просидели до поздних сумерек. Я зажгла свечи, задернула шторы на окнах. Взгляд упал на простое белое платье и серый плащ, в котором завтра жрецы поведут Шарлотту к скале. Я сглотнула и повернулась к подруге, которая с отсутствующим взглядом сидела на кровати.

Выбирай, Трин, кем ты хочешь быть. Такой же, как те, кто ее предал, едва узнав о смерти? Да и ее ли надо бояться? Куда страшнее совершить подлость, утратить честь, перестать быть...

хотя бы самой собой. Есть ведь долги, которые нужно возвращать. Я это знаю. И как мне потом жить, помня, что Шарлотта, которой я обязана тем, что сейчас дышу, умерла? Я же... ничего не сделала, чтобы ее спасти. Оказалась жалкой никчемной трусихой, которой не хватило смелости на один-единственный верный поступок в жизни!

Вдох. Выдох. Я осторожно взяла снотворное, что прописал мне целитель Гарис. Говорят, что можно убежать от прошлого, но мое крадется за спиной, является ночными кошмарами. Не спасают от этого ни заговоренные травы, ни чадающее пламя свечей. Я незаметно добавила сонное зелье в кружку с остывшим сбитнем, отнесла подруге. Она выпила, закуталась в одеяло. Вскоре дыхание Шарлотты выровнялось, и она уснула.

Я немного посидела с ней рядом, а потом подошла к окну и уселась на подоконник.

Ночь выдалась темная, почти непроглядная. Вдали слышался гром, сверкали острые молнии. Море пенилось, обрушивалось на прибрежные скалы. Я смотрела на буйство стихии и жалела, что вскоре не смогу больше им любоваться. Ни о чем не жалела и не плакала, а вот о море... уже тосковала. Странное чувство. Неправильное.

Дождь хлынул предсказуемо, скрывая за потоками бурю. Погода в Кардосе в принципе никогда не радовала. По утрам стелился белесый туман, оставляя на мостовых и крышах влажные следы, днем почти всегда бродили тучи. Море казалось серым, безжизненным. Зато, если появлялось солнце, оно преображало вокруг все. Заглядывало в окна, пуская зайчиков, освещало остроконечные синие крыши Военно-морской академии, целовало смеющуюся чумазую малышню, носившуюся по площадям и паркам. А как же менялось море! Сверкало, переливалось, словно синий шелк. Взгляда не отвести!

Уже не увижу.

До рассвета я не сомкнула глаз. Не смогла. И не хотела. Дождь прекратился, ветер стих, наступило безмолвие. То самое, что приходит после бури, неспешно и лениво касает-